

УЧАСТИЕ СОСЛОВНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДЕБНЫМИ ПАЛАТАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

© **Курас Т. Л., Шишкина Н. Э., 2020**

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Рассматриваются преимущества и недостатки коллегиального состава суда, вовлечения общественного элемента при рассмотрении уголовных дел по существу. Исследован один из институтов участия населения в отправлении правосудия по уголовным делам в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Анализируются особенности и проблемы функционирования сословных представителей в судебных палатах. Изучается законодательство, регулировавшее порядок и условия рассмотрения палатами дел в особом присутствии. В целом обосновывается эффективность функционирования и относительно невысокая репрессивность судебных палат с участием сословных представителей. При этом подчеркивается большое число организационных и содержательных проблем деятельности этих представителей общественности. Предлагается положительно зарекомендовавшие себя положения использовать в современном уголовном процессе, но с учетом современных реалий. Выводы автора подтверждаются архивными материалами Государственного архива Иркутской области и Центрального исторического архива г. Москвы.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебные палаты, сословные представители, коллегиальный состав суда, судебная реформа.

Для российского уголовного и гражданского процессов до сих пор актуальны вопросы, следует ли при рассмотрении дел по первой инстанции сохранять институт коллегиального рассмотрения дел, целесообразно ли задействовать при этом представителей общественности. Отметим, что в настоящее время в уголовном процессе функционирует институт присяжных заседателей, в арбитражном процессе – арбитражных заседателей. В гражданском же процессе в советский период длительное время в рассмотрении дел участвовали народные заседатели, однако в настоящее время этот институт не предусмотрен. Некоторые юристы считают, что законодатель преждевременно отказался от института народных заседателей, особенно в уголовном судопроизводстве. Другие же, напротив, согласны с отказом от этой формы участия населения в осуществлении правосудия.

При проведении в нашей стране на современном этапе развития реформирования судостроительства и судопроизводства, решении вопросов о закреплении коллегиального или единоличного рассмотрения дел по существу целесообразно использовать положительный исторический опыт Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. В этот период одним из механизмов вовлечения представителей

общественности в рассмотрение судами дел являлся институт сословных представителей. Они участвовали, в частности, в рассмотрении судебными палатами определенных категорий дел. Рассмотрим преимущества и недостатки данного института, выявим существовавшие проблемы его функционирования. Представляется, что положительно зарекомендовавшие себя конструкции можно было бы использовать и в настоящее время, но с учетом современных реалий.

Коллегиальное начало в отправлении правосудия позволяет получить положительный социальный эффект. Он достигается сочетанием разных интеллектов, сглаживает нежелательное влияние на решения лиц, входящих в состав суда. Многим идея участия представителей народа в судопроизводстве представляется демократичной, поскольку они знают экономическую и политическую ситуации на территории деятельности суда. Вовлечение их в процесс преследует разные цели, среди которых – контроль за судом и ограничение его властных полномочий в общественных интересах [14, с. 308–310]. Известный дореволюционный процессуалист Е. В. Васьковский поддерживал коллегиальное рассмотрение дел, отмечая, что оно обеспечивает тщательное и многостороннее их обсуждение, решение дел является результатом обмена мнениями, столкновения взглядов [3, с. 161].

В литературе отмечаются и недостатки коллегиального отправления правосудия, к ним можно отнести удорожание судопроизводства, снижение оперативности и гибкости. Единичное осуществление правосудия ускоряет процедуру рассмотрения дел и облегчает в целом доступ к правосудию [11, с. 132–133]. Проблемой является и то, что представители общественности неспособны решать вопросы права, поэтому многие авторы аргументировали их ненужность для судопроизводства [14, с. 308–310]. В качестве доводов отказа от коллегиального начала в процессе указывается и на его формальный характер: обычно только один судья изучает материалы дела до его рассмотрения по существу, остальные в силу занятости не делают этого, формальное же присутствие при рассмотрении дела отнимает у них время [1, с. 96–97]. Современные процессуалисты отмечают, что участие представителей общественности усложняет и удлиняет процесс, поскольку судье нужно согласовать с ними устраивающую всех дату заседания. Суд, назначая его, считает дело подготовленным, а у представителей общественности, включившихся в процесс позднее, может быть иное мнение, так как они не успели ознакомиться с делом [12, с. 98–99]. Как обоснованно отмечает Е. А. Борисова, в начале XX в. авторы высказывали такие же аргументы против коллегиальности. Так, указывалось, что под ней фактически зачастую скрывается единоличное начало: дело разрешается судьей-докладчиком, остальные присоединяются. При этом участие большого числа лиц в разрешении дела внушает судье больше беспечности, чем он себе позволил бы, рассматривая дело один [2, с. 89].

Таким образом, у коллегиального и единоличного начал осуществления правосудия в суде первой инстанции есть и достоинства, и недостатки. Необходимо сочетать их, чтобы в наибольшей степени задействовать положительные моменты и минимизировать отрицательные.

В Российской империи второй половины XIX в. дела о государственных преступлениях с самого начала были изъяты судебными уставами из общего порядка судопроизводства и переданы судебным палатам с участием сословных представителей: губернского и уездного предводителей дворянства, городского головы, волостного старшины [9, с. 80]. Затем по закону 9 мая 1878 г. подведомственность этого суда была распространена на некоторые дела по преступлениям против порядка управления, первоначально подлежащие юрисдикции суда присяжных. Далее законом 11 мая 1882 г. была восстановлена подсудность присяжным заседателям менее важных преступлений против

порядка управления. В ведении суда сословных представителей были оставлены дела о преступлениях, предусмотренных ст. 263–265 и 395 Уложения о наказаниях и о преступлениях против властей, сопровождавшихся убийством, поджогом или нанесением увечий, ран или тяжких побоев. На основании закона 7 июля 1889 г. были окончательно изъяты из ведения присяжных и подчинены палатам с участием сословных представителей как упомянутые выше дела о преступлениях против порядка управления, так и дела, перечисленные в ст. 201-1 и 1105 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС): о преступлениях по службе государственной или общественной, о преступлениях и проступках, совершаемых служащими в общественных или частных кредитных учреждениях и другие (ст. 263–272, 274, 276, 282, 286-1, 304, 315, 618, 633, 755–756, 803, 823–824, 830, 1083, 1085, 1143–1144, 1154–1156, 1225 и другие Уложения о наказаниях) [10, с. 114–116]. Причиной передачи дел в компетенцию палат в особом присутствии послужило то, что, по мнению законодателя, присяжные заседатели снисходительно относились к таким преступлениям. Однако в результате такого перераспределения компетенции палаты с участием сословных представителей оказались перегружены делами и возникли серьезные проблемы, которые будут изложены ниже.

Правительство при издании закона 1889 г. и передаче указанных в ст. 201-1 и 1105 УУС дел в ведение особых присутствий преследовало цель усиления уголовной репрессии по ним. Согласно статистическим данным министерства юстиции, количество обвинительных приговоров, вынесенных палатами с сословными представителями по этим делам, действительно значительно увеличилось по сравнению с числом осуждений по таким делам, вынесенных присяжными в окружных судах до издания закона. Однако аналогичное увеличение процента осуждений последовало одновременно и на суде присяжных. К концу XIX в. репрессия суда сословных представителей не превышала репрессию суда присяжных (так, в 1889–1893 гг. присяжными осуждено 65,7 % подсудимых, а судом сословных представителей – 64,9 %) [10, с. 121–122]. То, что суд палат с участием сословных представителей не был репрессивней окружных судов с участием присяжных, было статистически обосновано и дореволюционным юристом В. П. Даневским [6, с. 39–53]. Действительно, изучение практики рассмотрения судебными палатами дел в особом присутствии на примере Иркутской палаты позволяет прийти к выводу, что у этих судов не было обвинительного уклона, они выносили приговоры, основываясь на законе.

Так, 12–13 августа 1906 г. в г. Верхнеудинске особое присутствие Иркутской судебной палаты для рассмотрения дел о государственных преступлениях в составе председателя В. В. Францессона, членов палаты В. К. Сальмановича, П. Д. Попова; члена Читинского окружного суда П. Д. Ляпустина; почетного мирового судьи А. А. Левицкого; верхнеудинского городского головы И. Г. Федченко; тарбагатайского волостного старшины М. Г. Минаева, при товарище прокурора Н. Л. Студзинском рассмотрело в закрытом судебном заседании дело по обвинению крестьянина Ф. А. Коротченко по п. 1 ст. 103 и подп. 1 и 2 ст. 129 Уголовного уложения. Несмотря на обвинительную речь прокурора, просившего назначить подсудимому наказание в виде заключения в крепость, палата в особом присутствии признала Коротченко невиновным¹. Другие судебные палаты в особом присутствии также выносили законные и обоснованные приговоры, несмотря на обвинительный уклон прокуратуры, проводившей политику самодержавия. Так, 15 декабря 1904 г. Московская палата в особом присутствии в составе старшего председателя Ф. Ф. Арнольда, членов палаты С. Ф. Мальцева, И. П. Зорина, Г. Г. Гогеля; сословных представителей: смоленского уездного предводителя дворянства Б. П. Рачинского, городского головы О. Е. Воейкова, старшины Кашинской волости П. М. Голендерова слушала дело о бывшем вырубовском волостном писаре В. А. Кулагине и его помощнике В. Е. Петрове, обвиняемых в преступлении должности. Подсудимые признаны невиновными в преступлении, предусмотренном ст. 362 Уложения о наказаниях, и оправданы.² Таким образом, передача отдельных категорий дел из ведения окружных судов с участием присяжных заседателей в компетенцию палат с сословными представителями не оправдало целей самодержавия, которое рассчитывало на усиление уголовной репрессии. На наш взгляд, такое перераспределение компетенции лишь осложнило положение судебных палат, которые и так работали с высокой нагрузкой, и создало дополнительные проблемы для сословных представителей, которым необходимо было совмещать основную деятельность с участием в рассмотрении большого числа дел.

В целом согласимся с современными специалистами, что институт сословных представителей появился как альтернатива присяжным заседателям для рассмотрения наиболее важных для государства уголовных дел. Однако, явля-

ясь небольшим отступлением от общих правил судопроизводства в середине 60-х гг. XIX в., он уже к началу XX в. стал заметным явлением в судах [7, с. 8–9]. Суд сословных представителей постепенно эволюционировал в суд с высоким образовательным цензом и уровнем компетенции заседателей. В целом суд присяжных и суд сословных представителей находились в рамках единой системы взаимодействия и необоснованно говорить о прогрессивности одного и косности другого [13, с. 26–28].

Таким образом, в установленных законом случаях судебная палата в качестве первой инстанции рассматривала уголовные дела в «усиленном составе», с участием сословных представителей. В отличие от присяжных, сословные представители не избирались, входя в состав судебной коллегии палаты по должности. При этом в числе сословных представителей был установлен перевес голосов в сторону дворянства, которое поддерживало самодержавие. Крестьянское сословие было представлено лишь волостным старшиной. При этом по закону уездный предводитель дворянства и волостной старшина призывались из одного уезда, т. е. в состав судебной коллегии фактически включались начальник и его подчиненный, что нивелировало позицию последнего при решении дела. Обоснованно мнение специалистов, что независимость сословных представителей вызывает сомнение и в силу того, что образованием они значительно уступали судьям, поэтому их выводы по делу зачастую зависели от последних [4, с. 67–68].

В 1894 г. была создана комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Одним из вопросов, поставленных на ее обсуждение, была эффективность института сословных представителей. Для сбора необходимого материала по решению министра юстиции была проведена ревизия судов, образованных по уставам 1864 г. В ходе нее было выявлено, что суд с участием сословных представителей имеет слабые стороны. Так, они не проявляли живого участия в рассмотрении дела, особенно волостные старшины, которые вели себя на заседаниях пассивно, не высказывали своего мнения [5, с. 1–2]. К примеру, один из членов судебной палаты отмечал, что за все время его многолетней практики в округах двух судебных палат на массу дел с участием сословных представителей пришелся только один случай, когда они образовали большинство, с присоединением к ним члена палаты, согласно которому и было решено дело. Он также подчеркивал зависимое положение волостных старшин, которые боялись выразить свое мнение и на вопросы о нем отде-

¹ Государственный архив Иркутской области. Ф. 246. Оп. 3. Д. 212. Л. 10-10об., 34-35, 39-40 об.

² Центральный исторический архив Москвы. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1359. Л. 242-244 об.

лывались ответами вроде «как прикажете», «не могу знать» и т. д. [10, с. 116–119].

Несмотря на это, при обсуждении вопроса об участии общественного элемента в отправлении правосудия, комиссия в целом высказалась о значимости этого института. Было признано, что участие населения в рассмотрении дел во всем цивилизованном мире признается неотъемлемой частью правомерного суда. Подчеркивалось, что в функционировании суда без общественного элемента можно было бы видеть недоверие к зрелости народа, признание его неспособности помогать власти в борьбе с преступностью. Кроме того, в отсутствие общественного элемента в судах водворились бы профессиональная сухость и рутинность [10, с. 74–77]. То есть у комиссии не вызвала сомнения необходимость общественного участия в отправлении уголовного правосудия, она признавала необходимым только поднять вопрос о формах такого участия. Обсуждая целесообразность сохранения сословных представителей, комиссия согласилась с законодателем, что суд по государственным преступлениям не может производиться с участием присяжных заседателей, высокое положение судей и участие представителей всех сословий должно гарантировать строгое и справедливое преследование преступлений против власти и порядка управления [10, с. 116–119].

При обсуждении вопросов участия сословных представителей в судопроизводстве, обоснованно подчеркивалась еще одна проблема, связанная с их независимостью: по ст. 201-1 и 1105 УУС особое присутствие образовывалось под председательством старшего председателя или председателя департамента палаты из трех ее членов и трех сословных представителей [10, с. 116–119]. Таким образом, численный перевес был на стороне судей, что нивелировало значение участия общественного элемента. Представляется, что законодатель, стремясь сформировать зависимый от власти состав сословных представителей, «перестарался», создав машину, которая внешне выглядела величественно и авторитетно, но по сути ничего не решала. При этом на содержание такого огромного состава суда уходило немало государственных денег, служащие отвлекались от основных обязанностей.

Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части обращалось внимание и на сложность для представителей сословий исполнять судебные обязанности, так как это отвлекало их от основной деятельности. Будучи занятыми по службе, сословные представители не всегда являлись на заседания судебной палаты, что могло повлечь отложение рассмотрения

дела. На практике имели место частые случаи их уклонения от явки в суд и стремление заменить себя другими уполномоченными лицами. В силу таких сложностей уже при издании закона 7 июля 1889 г. было установлено, что, если губернский предводитель из-за службы или по другим уважительным причинам не может присутствовать в заседании палаты, он заменяется уездным предводителем. Законом 3 июня 1894 г. допускалась замена уездного предводителя кандидатом предводителя. Были и случаи замены предводителя дворянства секретарем дворянского депутатского собрания, а городского головы – членом городского присутствия по надзору за торговлей [10, с. 116–119]. Отметим, что на практике возникали вопросы о законности того или иного состава суда с участием сословных представителей. Так, в одном из уголовных дел в заседании суда вместо уездного предводителя дворянства участвовал депутат дворянства, исполнявший его должность. Подсудимые обратились с кассационной жалобой на приговор, указывая на незаконный состав суда. Правительствующий Сенат пришел к выводу о необоснованности указания подсудимых и их защитника на то, что участие депутата нарушает закон. Он указал, что по ст. 1106 УУС по прод. 1902 г. при неявке в судебное заседание по законной причине предводителя дворянства, он замещается одним из уездных предводителей дворянства в порядке прим. 2 к ст. 1105 по прод. 1902 г. Согласно данной норме, если губернский предводитель дворянства из-за исполнения своих служебных обязанностей или по другим уважительным причинам не может присутствовать в заседаниях палаты, он замещается одним из уездных предводителей дворянства. При невозможности такого замещения в заседание палаты приглашается, в месте ее постоянного пребывания, кандидат уездного предводителя дворянства губернского города, а на выездные сессии – кандидат местного уездного предводителя, чтобы в случае, когда они не могут прибыть в заседание, их заменили кандидаты уездных предводителей соседних уездов¹. Таким образом, при существовавших фактических условиях предположение власти о привлечении к участию в разрешении дел в особых присутствиях палат высших представителей сословий оказалось неосуществимо.

Также представителями судебной власти обоснованно поднималась следующая проблема: установленный законом 7 июля 1889 г. порядок

¹ Кассационная практика. Вопросы, разрешенные уголовным Кассационным Департаментом Правительствующего Сената в 1907 г. (сост. Афанасьев В. Е.) // Журнал Министерства юстиции. 1908. № 2. С. 222–223.

производства некоторых важнейших уголовных дел не удовлетворял требованиям близости суда к населению и быстроты суда. Это обуславливалось тем, что палаты рассматривали дела далеко от места их возникновения, в губернских городах, на выездных сессиях, которые назначались редко, не более двух сессий в одном пункте в год. Это объяснялось стремлением сократить расходы казны, а также недостаточностью личного состава палат. Дела, которые по каким-то причинам не были рассмотрены в назначенный срок, в лучшем случае откладывались на полгода, а в городах, где сессии проходили раз в год, и на более продолжительное время. Исключения делались для арестантских дел, которые, для скорейшего разрешения, назначались к рассмотрению в городах, где сессии открывались раньше [10, с. 119–121]. Иркутская судебная палата находилась в сложном положении в силу обширности территории округа [8, с. 48]. Тем не менее, она, как и другие палаты, проводила выездные судебные заседания в городах своего округа. Так, в рамках выездной сессии в г. Владивостоке 5 сентября 1906 г. особое присутствие палаты в составе председателя И. В. Францессона, членов палаты В. К. Сальмановича, И. Д. Попова, члена окружного суда Н. И. Никитина, почетного мирового судьи И. Я. Блонского, владивостокского городского головы И. И. Циммермана, раздольнинского волостного старшины О. Г. Сигедина слушало дело по обвинению крестьянина Я. Федоровича по п. 1 и 2 ст. 129 Уголовного уложения. Подсудимый обвинялся в том, что в ночь на 1 марта 1906 г. разбрасывал по улицам Владивостока с целью распространения воззвания социал-демократической рабочей партии, заведомо для него содержащие призыв к ниспровержению существующего государственного строя. Палата признала подсудимого виновным только в хранении с целью распространения соответствующих воззваний, определив заключить подсудимого в крепость на 8 месяцев¹. В сентябре 1906 г. Иркутская палата проводила выездную сессию и в г. Минусинске. К примеру, 23 сентября особое присутствие палаты в составе старшего председателя Н. П. Еракова, членов палаты Ф. А. Рыбакова, И. И. Лацынникова, почетного мирового судьи А. А. Савиных, городского головы И. П. Лыткина, волостного старшины П. Д. Лобуренко при товарище прокурора А. А. Петухине слушала в закрытом судебном заседании дело по обвинению ссыльнопоселенца Е. Брагина по ч. 1 ст. 103 Уголовного уложения. Подсудимый признан виновным в том, что в январе 1906 г. при сви-

¹ Государственный архив Иркутской области. Ф. 246. Оп. 3. Д. 252. Л. 11–11 об.

детелях оскорбил императора, деяние Брагина составляет преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 103 Уголовного уложения, ему назначено заключение в крепости на 7 месяцев.²

Актуальной представляется и следующая проблема: закон 1889 г. отнес к ведению особого присутствия палат ряд маловажных категорий уголовных дел. Это подрывало в глазах населения значение этого суда. Представителями судебных палат верно отмечалась нецелесообразность ситуации, когда на скамье подсудимых перед величественной коллегией особого присутствия появлялась «женщина, отнимавшая у пристава подлежащую описи курицу; пьяница, толкнувший полицейского при отправлении в полицию; арестант, не соглашавшийся идти за буйство в карцер по распоряжению тюремного смотрителя и отбивавшийся руками от стражи» [10, с. 121].

В силу большого числа выявленных проблем комиссия для пересмотра законоположений по судебной части подчеркивала, что результаты деятельности особых присутствий палат не искупают те издержки для казны и затраты сил и времени представителей сословий, с которыми сопряжен порядок судопроизводства по закону 1889 г. Ввиду этого члены комиссии Н. И. Барковский, А. Л. Боровиковский, К. К. Арсеньев и И. Я. Фойницкий считали необходимым упразднить суд с сословными представителями. Председатель и остальные члены комиссии считали, что следует сохранить этот институт, но только для дел о государственных преступлениях, подсудных палатам в особом присутствии [10, с. 122–123]. Эти рекомендации большинства членов комиссии были обусловлены высокой значимостью для государства таких дел, возможными негативными последствиями для самодержавия передачи их в компетенцию суда с присяжными заседателями. Кроме того, их количество было не очень большим, без затруднений можно было образовывать судебные коллегии, в которых участвовали бы высшие представители сословий.

В целом институт сословных представителей гармонично вписался в систему судопроизводства в судебных палатах Российской империи. Вопреки целям законодателя, суд палат с участием сословных представителей не был репрессивней окружных судов с участием присяжных заседателей и доказал на практике свою эффективность. Однако при этом существовало немало проблем функционирования особого присутствия палат. В частности, правительство неоднократно меняло законы, устанавливающие подсудность дел судебным палатам в осо-

² Государственный архив Иркутской области. Ф. 246. Оп. 3. Д. 252. Л. 7.

бом присутствию, чем создавало сложности. Кроме того, законодатель закрепил излишне зависимое положение сословных представителей, чем нивелировал их значение. Созданная в 1894 г. Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части сделала немало обоснованных предложений о совершенствовании института сословных представителей, однако они так и не были реализованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боннер А. Т. Некоторые проблемы доступности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. в Высшем Арбитражном Суде РФ. М., 2001. С. 89–98.
2. Борисова Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Городец, 2008. 224 с.
3. Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913. 691 с.
4. Воронин А. В. Правовые формы участия населения в отправлении правосудия в Российской империи второй половины XIX – начале XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 65–68.
5. Городынский Я. К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 2. С. 1–43.
6. Даневский В. П. Сравнительное обозрение некоторых форм народного суда (суд шеффенов, сословных представителей и присяжных) // Русская мысль. 1895. № 1. С. 39–53.
7. Игнатенкова И. А. Суд сословных представителей в России: становление и развитие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2007. 28 с.
8. Курас Т. Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы. Региональный аспект // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 45–53.
9. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX в. Саратов : СЮИ МВД РФ, 1999. 256 с.
10. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. В 3 т. Т. 1. СПб. : Сенатская типография, 1900. 415 с.
11. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2008. 752 с.
12. Приходько А. И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. М. : Волтерс Клувер, 2006. 288 с.
13. Сапунков А. А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Омск, 2018. 297 с.
14. Цихоцкий А. А. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 392 с.

REFERENCES

1. Bonner A.T. Nekotorye problemy dostupnosti pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve [Some problems of accessibility of justice in arbitration and civil processes]. *Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve: materialy Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferencii v Vysshem Arbitrazhnom Sude RF* [Problems of accessibility and effectiveness of legal proceedings in arbitration and civil processes: Proc. of the All-Russian Sci. and Pract. Conf. in the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. Moscow, 2001, p. 89–98. (in Russian)

2. Borisova E.A. *Apellyaciya v grazhdanskom (arbitrazhnom) processe* [Appeal in civil (arbitration) process]. Moscow, Gorodets Publ., 2008. 224 p. (in Russian)
3. Vaskovsky E.V. *Kurs grazhdanskogo processa* [The course of the civil process]. Vol. 1. Moscow, 1913. 691 p. (in Russian)
4. Voronin A.V. *Pravovye formy uchastiya naseleniya v otpravlenii pravosudiya v Rossiyskoy imperiiy vtoroy poloviny XIX – nachale XX veka* [Legal forms of public participation in the administration of justice in the Russian Empire in the second half of the XIX-early XX century]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi uridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2015, no. 2 (103), pp. 65–68. (in Russian)
5. Gorodysky Ya.K. *Nashy sudy i sudebnye poryadky po dannym revizyy* [Our Courts and Courts According to the 1895 Audit Data]. *Zhurnal ministerstva usticii* [Journal of the Ministry of Justice], 1901, no. 2, pp. 1–43. (in Russian)
6. Danevsky V.P. *Sravnitelnoye obozreniye necotorykh form narodnogo suda (sud sheffenov, soslovykh predstaviteley i prisyzhnykh)* [Comparative review of some forms of the people's court (the court of Scheffen, class representatives and jurors)]. *Russkaya mysl* [Russian thought], 1895, no. 1, pp. 39–53. (in Russian)
7. Ignatenkova I.A. *Sud soslovykh predstaviteley v Rossii: stanovleniye i razvitiye* [The court of estate representatives in Russia: the formation and development. Cand. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2007. 28 p. (in Russian)
8. Kuras T.L. *Reformirovaniye sudobnoy sistemy v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennyye problemy. Regionalnyy aspekt* [Reforming the judicial system in Russia: historical experience and contemporary problems. Regional aspect]. *Sibirskiy uridicheskij vestnik* [Siberian legal bulletin], 2014, no. 4, pp. 45–53. (in Russian)
9. Nemytina M.V. *Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [The court in Russia: the second half of XIX – early XX centuries.] Saratov, Legal Institute the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1999. 256 p. (in Russian)
10. *Ob'yasnitelnaya zapiska k projektu novoy redakciiy Uchrezhdeniya sudobnykh ustanovleniy v 3-h tomah* [The explanatory note to the draft of the new edition of the Institution of Judicial Establishments in 3 volumes.]. St. Petersburg, Senate Printing House, 1900, vol. 1, 415 p. (in Russian)
11. Osokina G.L. *Grazhdanskiy process. Obshchaya chast'* [The civil process. General part]. Moscow, Norma Publ., 2008, 752 p. (in Russian)
12. Prikhodko A.I. *Vospreyatstvovaniye razresheniyu del v arbitrazhnykh sudah: aktualniye voprosy sudobnogo pravoprimeneniya* [Obstruction of cases in arbitration courts: current issues of judicial enforcement]. Moscow, Wolters Kluwer, 2006, 288 p. (in Russian)
13. Sapunkov A.A. *Sudobnye palaty v sudobnoy sisteme Rossiyskoy imperiiy: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Judicial chambers in the judicial system of the Russian Empire: the second half of the XIX – early XX centuries. Cand. sci. diss. Omsk, 2018, 297 p. (in Russian)
14. Tsihotsky A.A. *Teoreticheskiye problemy effektivnosti pravosudiya po grazhdanskim delam* [Theoretical problems of the effectiveness of justice in civil cases]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997. 392 p. (in Russian)

Questions of Estate Representatives Participation in Trial by Judicial Chambers of Russian Empire (in the Second Half of 19th – early 20th Centuries)

© Kuras T. L., Shishkina N. E., 2020

The article gives an analysis of the advantages and disadvantages of collegiate court, the involvement of society elements during criminal trials. The author examines the Institute of public participation in legal proceedings in the Russian Empire in the second half of XIX-early XX centuries. Distinctive characteristics and functional problems of estate representatives participation have been under examination. Moreover, much attention is given to the legal framework for conditions and legal proceedings in case of the special presence in the Judicial Chambers. Effectiveness of functioning and comparatively low level of the repressiveness of estate representatives participation in trial by Judicial Chambers has justifiable grounds. It is especially noted that there had been a great amount of institutional and substantive issues in their activity. Well-established positions are encouraged to support the usage of similar institutions in modern criminal procedure after their adaptation to the current level of legal proceedings. The author's conclusions are confirmed by archive material from the State Archive of Irkutsk Region and the Moscow Central Historical Archive.

Keywords: criminal procedure, Judicial Chambers, estate representatives, collegiate court, the judicial reform.